

17. *Yunge M. Kak terror stal "Bol'shim": sekretny prikaz 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya* [How Terror Became «Great»: the Secret Order 00447 and the Technology of its Execution]. – Moscow: AIRO-XX, 2003. – 352 p. (in Russian)

УДК 93/94

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В РОССИИ НА РАБОТУ СВЯЩЕННОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ (1917–1918)

Вера Дмитриевна Орлова

кандидат исторических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
церковной истории Тамбовской
духовной семинарии

E-mail: tdsmetod@yandex.ru

Для цитирования: Орлова В.Д. Влияние внутривполитической обстановки в России на работу Священного Собора Православной Российской Церкви // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 140–148.

Аннотация

В докладе предложена авторская периодизация событий, происходивших на Священном Соборе Православной Российской Церкви (1917–1918). В качестве критериев для выделения этапов взята зависимость повестки дня, выступлений и решений от начавшихся вскоре после начала работы Собора революционных событий. Анализируются причины, вынуждавшие соборян оперативно реагировать на одни и как бы пропускать другие события. Сделан вывод о заслугах православных церковных деятелей, выработавших решения, способствовавших спасению Церкви в экстремальных условиях атеистического государства.

Ключевые слова: Священный Собор Православной Российской Церкви (1917–1918); Временное правительство; Совет народных комиссаров; деяния Собора; соборяне.

Столетие, прошедшее со времени работы Священного Собора Православной Российской Церкви, позволяет глубже оценить обстановку, в которой оказались его участники, а с ними вместе и все духовенство, и верующие, в революционные 1917–1918 годы. Трехэтапные выборы участников Собора были организованы в обстановке свергнутой монархии и пришедшего к власти Временного правительства. Они проводились в приходах, благочиниях и епархиях. В выборах участвовали и женщины. От каждой епархии в итоге избирался один епископ, два клирика и три мирянина. Большинство членов Собора (299 из 564) были мирянами [2, с. 9].

На первом заседании соборяне и помыслить не могли об ожидавших их испытаниях. Какие-то вопросы предварительной повестки дня им удалось решить, какие-то приходилось откладывать. Под влиянием чрезвычайных обстоятельств на первый план выходили совершенно новые животрепещущие проблемы. Мы проанализировали зафиксированные в Деяниях отклики Собора на события в стране и выделили несколько этапов его работы.

Первый торжественный и короткий этап начался 15 августа 1917 года в Успенском соборе Московского Кремля и продолжался, примерно две недели, до вестей о Корниловщине. Его можно назвать этапом надежд. Казалось, что начинается время автономии Церкви. Временное правительство продемонстрировало лояльность, считая, что Собор демократичен. На открытие в Москву из Петрограда приехали министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев, министр исповеданий А.В. Карташев и товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский, были зачитаны приветствия от нескольких комиссий Государственной думы [2, с. 27]. Поддержка верующих была массовой. В крестном ходе на Красную площадь 15 августа 1917 года участвовали прихожане из 255 московских церквей. Начальный этап работы Собора омрачался лишь событиями на фронтах Первой мировой войны. Возникла угроза захвата неприятелем святынь Киево-Печерской лавры и других храмов в полосе действий Западного фронта.

Второй этап работы Собора знаменовался борьбой за, казалось бы, уже полученную автономию Церкви. Он начался еще до захвата власти большевиками, примерно с сентября 1917 года и

продолжался до ареста Временного правительства в конце октября. С одной стороны, Временное правительство приветствовало работу Собора, но с другой – начало проводить в жизнь свое постановление от 14 июля 1917 года «О свободе совести», приступило к секуляризации церковно-приходских школ и легализации гражданского брака [2, с. 17]. Уже в начале октября 1917, рассказывая о переговорах с А.Ф. Керенским, Н.Д. Кузнецов говорил: «Мы вступили, очевидно, в новый период русской истории не только в отношении политическом, но и более глубоком, касающемся духовной жизни русского народа и ведущем к полному отделению Церкви от государства. Это нужно иметь в виду Собору и особенно его Отделу о правовом положении Церкви, чтобы не потерять чувство действительности и строить реформу, принимая во внимание окружающие условия» [2, с. 17].

Отвлекаясь от ранее составленной повестки дня, участники Собора вынуждены были реагировать на новую волну борьбы за власть в стране. События так называемого Корниловского мятежа вызвали серьезную тревогу соборян за судьбы страны. Ощущая угрозу гражданской войны, 31 августа Высокопреосвященный митрополит Московский Тихон (Белавин) совершил молебен об умиротворении Родины. На Соборе звучали призывы к победителям щадить жизни побежденных соотечественников, «ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжелой междоусобице» [2, с. 51]. Сам термин «междоусобица» свидетельствовал о поиске исторических аналогов происходившим внутривластным событиям. Вскоре появился в устах соборян и прозорливый термин «братоубийственная война», а затем и обращение к аналогиям эпохи Смутного времени XVII века [2, с. 54]. Но у выступавших участников Собора еще жила надежда на согласие со светской властью. «Несокрушимо веруя, что для спасения Родины требуется Божья помощь и самоотверженная любовь ее сынов, Собор ждет от русской государственной власти тех подвигов этой любви, которые сделают ее достойной благословения Божия» [2, с. 54].

Тревожным сигналом грядущих бед стала зачитанная на Соборе 7 октября 1917 года телеграмма от ректора Казанской духовной академии епископа Анатолия, сообщавшая о снятии в Казани с башни казанского кремля государственного герба и православного креста и водружении полумесяца [2, с. 81]. Это значило, что реги-

оны почувствовали слабость власти в столице. До захвата большевиками Петрограда оставалось восемнадцать суток.

Третий этап был связан с приходом большевиков к власти и первоначальными иллюзиями многих участников Собора и верующих в их отношении. Это примерно ноябрь-декабрь 1917 года. Православные и помыслить не могли, что страну могут возглавить жестокие безбожники.

Однако за пару недель произошел вооруженный захват власти в Петрограде, московские бои с обстрелом Кремля и начались активные посягательства на церковные святыни и имущество. 25 октября 1917 года, в день прихода большевиков к власти в Петрограде, на Соборе обсуждалась попытка осквернения богохульниками мощей патриарха Гермогена в часы всенародного моления святителю. С сообщением о грабеже храмов воинами русской армии выступил епископ Рижский Иоанн – (Смирнов) [2, с. 97]. Эти события как бы предрекали будущее Церкви при новой безбожной власти.

Соборяне не были пассивны. Во время боев в Москве они вели переговоры с Московским военно-революционным комитетом, предлагали совершить крестный ход вокруг района кровопролития, заботились о судьбах раненых, взывали о милости к пленным и беспокоились о христианском погребении убитых, о судьбе кремлевских святынь. Они решили молиться за убитых и юнкеров, и большевиков, т.к. среди них и их родных были люди верующие [2, с. 109]. Московские события обсуждались детально, участники Собора были шокированы ими. В конце октября – начале ноября 1917-го в массовом сознании еще сохранялась надежда на благоразумие большевиков. Московский студенческий союз обратился к Собору с просьбой организовать отпевание убитых в уличных боях студентов архиерейским чином. Но лидеры большевиков были против и организовали похороны без отпевания на Красной площади.

В обстановке крушения буржуазно-демократической власти и провозглашенной пролетарской диктатуры с атеистическими лозунгами Собор организовал избрание Патриарха. События Октября 1917 года ускорили решение о возрождении патриаршества, т.к. стал очевиден наступающий хаос и безвластие. Всего за 9 дней на 6-ти заседаниях были преодолены разногласия, существовавшие еще с Предсоборного Совета, и святитель Тихон стал первым в XX веке Патриархом Московским.

Но советская власть сразу показала свое неуважение к Патриарху и Церкви. 21 ноября в день поставления нареченного в Патриархи митрополита Московского и Коломенского Тихона после крестного хода в Кремле он выехал для объезда вокруг Кремля. При его приближении к могилам убитых в октябрьские дни и похороненных у кремлевской стены без отпевания людей большевики начали играть Марсельезу, петь революционные и даже неприличные песни [2, с. 144].

Сталкиваясь с подобными издевательствами, Собор еще иногда принимал решения так, будто центральная власть продолжает считать православие господствующей религией. 7 ноября 1917 года был заслушан доклад «О правовом положении Церкви в государстве» [2, с. 144]. Докладчик и слушатели еще не поняли, что новое государство не правовое. В определении от 3 декабря 1917 года предполагалось, что глава государства, а также министры народного просвещения и исповеданий обязательно должны быть православными, а имущество Церкви не подлежит конфискации [2, с. 18]. Подобный момент инерции в процессе осознания соборянами происходящих в стране перемен был неизбежен.

В эти же месяцы политического хаоса совсем ухудшилось информационное и транспортное сообщение центра с провинцией и даже двух столиц друг с другом. Страна жила слухами. Поехавшие по домам на рождественские каникулы члены Собора потом рассказывали, что на железнодорожных станциях люди спрашивали у пассажиров поездов из Москвы хоть каких-то газет, способных разъяснить происходившие события. Провозглашение перехода власти на местах к Советам затянулось до конца марта.

Четвертый этап работы Собора начался в январе перед принятием декрета об отделении Церкви от государства и завершился в мае 1918 года накануне боевых действий на фронтах Гражданской войны. В январе некоторые участники дискуссии еще надеялись, что большевизм или уже мертв, или дни его сочтены [2, с. 29]. Лишь прозорливцы были с ними не согласны и называли новую власть «сатанизмом», «антихристианством». В начале января 1918 года было разогнано Учредительное собрание и обнародованы проекты Декрета об отделении Церкви от государства. Патриарх Тихон в своем послании 19 января 1918 года констатировал усиление го-

нений на Церковь и предал анафеме ее гонителей. Соборяне осудили священников, побоявшихся огласить это послание Патриарха в некоторых храмах [2, с. 33]. 21–23 января 1918 года Декрет был принят, и началась борьба за существование Церкви. 27 января 1918 года в воззвании Собора к народу прозвучал призыв: «Объединяйтесь же, православные, около своих храмов и пастырей, ... составляйте союзы для защиты заветных святынь... Мужайся же, Русь святая. Иди на свою Голгофу. С тобою Крест Святой, оружие непобедимое» [1, с. 42]. Так как государство не рассматривало Русскую Православную Церковь как субъект правоотношений и считало ее совокупностью отдельных общин верующих, то особую роль для Собора стал играть вопрос о Приходском уставе [1, с. 17].

Трагические вести о расправах на местах с церковными иерархами и приходским духовенством не помешали попыткам Собора организовать переговоры с СНК по вопросам церковно-государственных отношений. Переезд правительства в Москву дал возможность встреч делегаций. Последние официальные переговоры сторон были 14/27 марта 1918 [1, с. 14]. После этого СНК перешел только к рутинной переписке, не желая живого диалога.

В марте 1918 года зазвучали сообщения о конфликтах внутри Церкви. Некоторые младшие клирики и миряне допускали выступления против архиереев, а приходские советы добивались в союзе с представителями светской власти смещения неугодных архиереев [1, с. 16]. Собор был бескомпромиссен в выборе наказаний для тех, кто разрушает Церковь изнутри, называл их «сеятелями смуты», «церковными большевиками». Жестокость по отношению к духовенству, грабеж церковного имущества на местах вызвали смятение в душах участников Собора. Выступающие искали причины предательства народа-богоносца.

Противостояние с властью все больше отвлекало участников Собора от внутрицерковных дел. Ратификация в марте 1918 года Брестского мира 4-м Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов потрясла патриотически настроенных соборян. Но в условиях, когда множились могилы невинно убиенных людей Церкви, участники Собора не забыли о военных и братских кладбищах Первой мировой войны, которые могли остаться без ухода.

В 1918 году Страстная среда пришлась на 1 мая. А в этот день безбожники объявили о проведении народного шествия с музы-

кой и организации увеселений. Собору пришлось принять специальное постановление, в котором политическая акция властей называлась тяжелым оскорблением религиозных чувств православного народа. Иллюзий по поводу отношения большевиков к Церкви больше не было. Участники заседаний обсуждали причины невысокого уровня церковного сознания народа в изменившихся внутривластных условиях.

Пятый период работы Собора пришелся на июль – начало сентября 1918 года. Советская Конституция лишила духовное сословие прав. В стране на фоне Гражданской войны шли аресты и расстрелы духовенства, осквернялись святыни, советские газеты клеветали на Патриарха и Церковь, рушились памятники императорам и патриотам (например, в Костроме решили снять памятник Ивану Сусанину). И все же, 19 июля 1918 года третья сессия Собора началась с панихиды по невинно убиенному бывшему государю императору Николаю II. Публичное отпевание царя в тех условиях было актом мужества. О расстреле царской семьи тогда было неизвестно. Несмотря на гонения и жертвы, участники Собора находили в себе силы на этом заключительном этапе работы завершить обсуждение и принять важные решения, которые обеспечили выживание Церкви в будущем. На этом этапе они меньше всего отвлекались на обсуждение текущих событий, сосредоточившись на итоговых документах. Были приняты определения «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания», «О привлечении женщин к деятельному участию в жизни Церкви», «О монастырях и монашестве». Разрабатывались принципы церковного поминовения новомучеников, продумывались способы помощи семьям арестованных или убитых защитников Церкви. Собор осудил тех членов Церкви, которые в своем реформаторском порыве обращались за одобрением антиканонических предложений к советскому государству.

За год работы Собора его участники продемонстрировали волю и способность к принятию знаковых для Церкви решений в условиях менявшейся к худшему обстановки в стране. В марте 1918-го прозвучали и пророческие слова: «Нужно надеяться, что русское государство еще восстановит разорванную теперь нравственно-духовную связь с Православной Церковью, как

своей исторической силой, спасавшей его в самые тяжелые времена и являющейся основанием моральной жизни большинства народа» [1, с. 154].

Список литературы

1. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. : обзор деяний. Вторая сессия / Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории ; сост.: А. А. Плетнева, Гюнтер Шульц ; под общ. ред. Гюнтера Шульца. – Москва : Грааль, 2001. – 545 с.

2. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. : обзор деяний. Первая сессия / Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории ; сост.: А. Г. Кравецкий [и др.] ; под общ. ред. Гюнтера Шульца. – Москва : Грааль, 2002. – 452 с.

UDK 93/94

INFLUENCE OF THE DOMESTIC POLITICAL SITUATION IN RUSSIA ON THE WORK OF THE HOLY COUNCIL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1917–1918)

Vera D. Orlova
PhD in History,
Associate Professor
Church History Department
Tambov Theological Seminary
E-mail: tdsmetod@yandex.ru

For citation: Orlova V.D. Influence of the Domestic Political Situation in Russia on the Work of the Holy Council of the Russian Orthodox Church (1917–1918). *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2019. Issue 7. P. 140–148.

Abstract

The article suggests author's division into periods of the events that took place at the Holy Council of the Russian Orthodox Church (1917–1918). The dependence of the agenda, speeches and decisions on the revolutionary events that began shortly after the start of the Council was taken as criteria for highlighting the stages. The author analyzes the reasons that compelled participants of the Holy Council to respond promptly to some events and somewhat miss other ones. The question is raised about the illusions that the participants of the Council had regarding the Soviet regime in the first months of its existence. A conclusion is drawn on the merits of the Orthodox Church leaders who worked out solutions that contributed to the salvation of the Church in the extreme conditions of an atheistic state.

Keywords: the Holy Council of the Russian Orthodox Church (1917–1918); Provisional Government; Council of People's Commissars; acts of the Council; participants of the Council.

References

1. Svyashchennyi Sobor Pravoslavnoi Russkoi Tserkvi 1917–1918 gg.: obzor deyanii. Vtoraya sessiya [The Holy Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918: a Review of Acts. Second Session]. Edited by Gunter Schultz. – Moscow: Graal', 2001. – 545 p. (in Russian)
2. Svyashchennyi Sobor Pravoslavnoi Russkoi Tserkvi 1917–1918 gg.: obzor deyanii. Vtoraya sessiya [The Holy Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918: a Review of Acts. Second Session]. Edited by Gunter Schultz. – Moscow: Graal', 2002. – 452 p. (in Russian)